

Mikulášek, Miroslav

**Время анализа и синтеза : к методологии чешской
литературоведческой компаративистики (Франк Вольман,
1888-1969)**

In: *Genologické studie. II, K počtě profesora Franka Wollmana.*
Vyd. 1. Brno: Masarykova univerzita, 1993, pp. [7]-16

ISBN 8021008369

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132296>

Access Date: 19. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

**I. OSOBNOST FRANKA WOLLMANA
A DĚJINY SLAVISTKY**

ВРЕМЯ АНАЛИЗА И СИНТЕЗА

К методологии чешской литературоведческой компаративистики
(Франк Вольман, 1888-1969)

Miroslav Mikulášek (Brno)

В мае 1988 г. исполнилось 100 лет со дня рождения видного чешского слависта - литературоведа мировой известности - Франка Вольмана. В сознании научного поколения, которое он воспитывал и в научном отношении вдохновлял, выступает Ф. Вольман буквально как ренессансная личность, творчески интерферирующая науку и искусство, поэзию и драматургию, связывая в одном узле научную эрудированность и экзактность, мыслительную поэтичность, рефлексирующий интеллект и чуткую эмоциональность. Его широко, почти энциклопедически заложенное литературоведческое наследие представляет собой как бы последнее звено чешского возрождения, завершающее эпоху мощного взмаха национального сознания; одновременно, однако, в нелегких условиях и периодах чешской и мировой истории это наследие открывало новый фазис словесных исследований, стремясь связать самое прогрессивное из интерпретационных открытий литературоведческих школ XIX века с новаторскими научными направлениями XX века.

Жизненную и научную биографию Ф. Вольмана подытоживали в своих юбилейных статьях уже многие известные ученые - А. Грунд, К. Крейчи, П. Н. Берков и пр. Поэтому лишь в краткости следует отметить, что Ф. Вольман родился 5-ого мая 1888 г. в Богумовицах над рекой Огрже в Чехии, в семье, где дед был пивоваром на сахарном заводе и отец некоторое время работал служащим. В 1907-11 гг. Ф. Вольман был студентом Карлова Университета в Праге, там позднее получил докторское звание и защитил диссертацию на звание доцента. С 1913 г. (1912 г. он провел в университете в Берлине) он работал в качестве профессора в провинциальных средних школах в гг. Йичин и Собеслав, затем новая республика послала его после освобождения в 1918 г. в Словакию, чтобы он принял участие в формировании братиславских, в первую очередь высших учебных заведений. На философском факультете братиславского университета он после защиты диссертации в 1922 г. получил звание доцента сравнительной истории славянских литератур, и с 1925 г. стал экстраординарным профессором сравнительной истории славянских литератур в Университете им. Т. Г. Масарика в г. Брно, где воспитал ряд литературоведов, театрологов и фольклористов. Брненскому философскому факультету он остался верен до конца своей вузовской деятельности (1959 г.) в функции заведующего кафедрой русистики, но и далее, вопреки всем жизненным осложнениям, по существу до конца своей жизни, которая оборвалась роковым образом в 1969 г.

Но речь идет не только о перечислении фактов, переломных моментов жизненного пути и межвых ступеней научной биографии Ф. Вольмана, которые привели его в межвоенное время к званию

члена Чешской академии наук и искусства (1928) и в послевоенное время (с 1952 г.) - члена-корреспондента ЧСАН, к должности декана и проректора Академии музыкальных искусств им. Яначека (1948-1950) и к иной деятельности брненского и республиканского культурного значения. Речь идет о внутреннем устремлении и наполненности его боевого характера, с которым он преодолевал политические антиномии реальности и науки и который он сохранил в течение всей своей нелегкой жизни литературоведа. "Если бы мы подробно проследили корни научного роста Вольмана, - написал о нем в 1948 г. (по случаю шестидесятилетнего юбилея Ф. Вольмана) А. Грунд, - нас удивили бы случайности внешних событий, которые продвигали и зачастую определяли жизненный путь ученого. Изучение филологии в Карловом Университете предопределялось не разборчивым выбором, а социальными условиями студента без средств; к научной работе ведет его не крепкая рука вузовского педагога, а настойчивая воля проявить способность и соразмерить свои силы с творчеством мирового ученого".¹ Внутренней движущей силой было для Ф. Вольмана на протяжении всей жизни не накопление земных богатств и благ, а неукротимая жажда научного и творческого самоутверждения, познания, которое, впрочем, в особенности в мире, постигнутом распадом оценочных критериев, становится единственной целью "способных".² Воля к научному познанию была у Ф. Вольмана органически связана с миром славян. Она родилась и усиливалась, может быть, во время его многочисленных путешествий в Югославию, Болгарию, Польшу, Россию, но в особенности во время его учебы в пражском университете - у знаменитых учителей, какими были историк литературы и фольклорист И. Поливка, историк и теоретик литературы, театролог и театральный критик Вацлав Тилле и литературный историк Ян Махал (во время его пребывания в берлинском университете его учителем был А. Брюкнер). Продолжив научный курс своего учителя И. Поливыки, ученика А. Пыпина и А. Веселовского, Ф. Вольман избрал сначала путь тематологических исследований, возникающих нередко и в трудных условиях его преподавательской работы в средних школах. Из импульсов И. Поливыки возникло, с одной стороны, исследование Ф. Вольмана "Повесть о белой даме" в литературе, с другой стороны, диссертация на звание доцента - "Вампирические повести в области средневропейской".³ Проблематика устной словесности стала объектом научного интереса Ф. Вольмана на всю жизнь. Он считал ее неотделимой частью литературного процесса, своеобразным стимулятором, возбуждающим внутренний мир художественной литературы.

От традиционных тематологических исследований Ф. Вольман вскоре повернулся к области сравнительной истории литературы славянских. Его научное внимание привлекал наряду с фольклором в особенности театр. Он стал не только объектом его исследований, но и органической частью его творческой биографии.⁴ В течение 20-х гг. возник цикл монографий Ф. Вольмана о драматургии южнославянских наций (Сербохорватская драма, 1924; Славянская драма, 1925; Болгарская драма, 1927), который завершился синтетизирующим сочинением "Драматургия славянского юга" (1930).⁵ В нем ученый исследовал жанровое разнообразие и идейное родство драматических видов и направлений, объединяющих южнославянскую драматургию, изучал ее морфологический и этический вклад в мировую драматургию.⁶ Исследовательский подход,

который он применил в процессе работы над драматургией национальностей славянского юга, кульминировал, однако, уже в его новаторском синтетическом труде "Словесность славян" (1928), написанном уже в 1926 г. А. Грунд назвал его "первым произведением, сравнительным с точки зрения литературы европейской". По мнению К. Крейчи, это была "первая попытка научного изложения славянских литератур как единого целого, хотя и разнородного, в сравнительном аспекте с акцентом на их взаимосвязи, гораздо более четким и конкретным, чем это было бы можно сделать при помощи параллельного изложения литератур отдельных славянских народов". По сравнению со "Славянскими литературами" (1922-29) Я. Махала, отличающимися аддициональным подходом, параллельным распределением, изолированным, расчлененным толкованием отдельных национальных славянских литератур и синхронно идеографическим изложением, Ф. Вольман стремился к синтетическому охвату и интерпретации исторического движения, эволюции славянских литератур в последовательно компаративном плане. Книга проникнута стремлением понять и изложить смысл, дух славянских литератур, которые сохранились независимо между буферными полями Византии и Рима, и постичь их характеристические доминанты. Ф. Вольман усматривал их в общечеловеческих и социальных тенденциях, в представлениях о "сближении общечеловеческом", которые усиливались в славянских обществах особенно в тяжелейших исторических ситуациях и всплывают и актуализируются после социальных бурь и исторических отклонений и поворотов. Идеиным фокусом "Словесности славян", ее синтетической идеей является в данном отношении характерологическая категория этического реализма у славян, эта - можно сказать - остающаяся в силе до сих пор "стрелка на весах в динамике дуализма индивидуалистски - коллективистского". Славянские литературы представляли для Ф. Вольмана выражение самой жизни славянских народов, их "общей борьбы за равноправное место в семье народов", за "уравнение в правах индивида", явились для него выражением "усилия за преобразование цивилизационных элементов в настоящую культуру духа и сердца", т. е. за создание неуядающих "общечеловеческих ценностей".¹⁰

В связи с областью идеографической - с осмыслением предмета, идей, путей, смысла и места славянских литератур в системе литератур мировых - кристаллизовалась постепенно и методологическая концепция Ф. Вольмана, краеугольный, прочный компонент его научной личности и деятельности. Его новаторство в методологии славянской компаративистики общепризнано. И в данной сфере, однако, он добивался познания, шлифовал свою позицию и концепцию в многочисленных полемиках и научных спорах со своими критическими оппонентами и идейными противниками - А. Брукнером, И. Голобкем, К. Биттнером и др.; в данных спорах он уточнял свою концепцию цельности межславянской словесности и додумывал свой рабочий метод, первый эскиз которого дал на 1 съезде славянских филологов в Праге в 1929 г.¹¹ и систематически изложил в книге "К методологии сравнительной словесности славянской" (1936), в исследовании "Наука о словесности" (1935) и др.

Сравнительный литературоведческий метод Ф. Вольман понимал в продолжении русско-чешской научной традиции А. Веселовского, В. Н. Перец и И. Поливки не как систему философских или

идеологических понятий и категорий, а как исследовательский прием, дающий возможность изучить культурные и межлитературные связи, аналогии и отношения в словесном творчестве всех народов.

Настойчивое стремление Ф. Вольмана включить славянские литературы в художественный организм мировой литературы, мирового литературного процесса, привела его закономерно к методологическим рассуждениям, не устаревшим и в нынешнем литературоведческом контексте,¹² о том, что представляет собой мировая литература. Он воспринимал ее - в отличие от взглядов, усматривающих под нею мозаику, сложенную из обособленных, "в себе самой замкнутых единиц" " национальных литератур" (К. Биттнер¹³) - как "совокупность форм и литературных структур сверхлокального и сверхвременного значения".¹⁴ Он подчеркивал в данном отношении влияние формы на форму, писателя на писателя через границы школ, стилей, поколений, народов, ибо, как он писал, "в мировые литературы проникает сама форма, а не вся "школа", "поколение", из которого она произошла, не вся литература, на том или ином языке написанная".¹⁵ Следовательно, он рассматривал мировое литературное движение как процесс единый при всей его художественной дифференциации, дивергенции, диффузии и переменчивости форм,¹⁶ ибо литературные структуры - по его мнению - в сущности феномен "интернациональный". И добравшись до их сверхлокального и сверхвременного значения (сходств и различий) дает возможность "la littérature comparée", изучающая "влияния, аналогии, филиации", где сравнивается бинарно, двояко, форма и форма, писатель с писателем, литература с литературой; "la littérature comparée" в понимании Ф. Вольмана не является категорией статической, это путь исследования, познания, аналитический путь к синтезу, который представляет литература общая, la littérature générale, т. е. мировая словесность, в своей сущности синтетическая. Ф. Вольман, исходящий из А. Веселовского и из известного концепционного различия французского литературоведа ван Тигема,¹⁷ определял предмет и намечал перспективную программу сравнительного литературоведения (см. и статью "Генеральная литература, ее функция мировая и межславянская"¹⁸). Для Ф. Вольмана естественно компаративным исследованием раскрываемая "сумма форм и литературных структур" явилась "продуктом отдельных национальных литератур". Из них в иные литературы входят лишь отдельные формы, максимально лишь группы форм, стили, но не все литературы. Поэтому он считал "интенцию исследования к мировой словесности необходимым дополнением и регулятором изучения любой литературы". И цель общей, мировой литературы усматривал в гармонии, подчиняющей себе национальные литературы.¹⁹ Осознанный семантический аспект никогда не перестал быть интерпретационной сердцевиной его концепции. Он зацкал притом взгляд, что в мировом литературном организме нельзя ставить одну литературу выше другой, переоценивать из политических соображений существование, "факт одной национальной литературы",²⁰ ибо, как известно, художественная инициатива нередко переходит от нации к нации и обусловливает, таким образом, исторический сдвиг, движение идей и художественных форм.

Отправным пунктом к познанию литературной эволюции и частного художественного явления стал для Ф. Вольмана - как уже было сказано - сравнительный метод: здесь он продолжил на-

учное направление и ракурс пражской компаративной школы, своего учителя И. Поливики и А. Веселовского, ведущего представителя русской школы. Он критически усвоил не только идейное наследство предшествующих литературоведческих школ (культурно-исторической, эстопсихологической /Эннекен/, эволюционной /Брюнетьер/ и сравнительно-исторической, но реагировал творчески и на открытия современных ему эстетически-философских направлений и интерпретационных систем XX века, в особенности на феноменологически-онтологические импликации видного славянского феноменолога Р. Ингардена. Его теории эстетической перцепции и модельной конкретизации литературного произведения, которое воспринимается как данность структурно-интенциональная, выраженная языком, отличающаяся четырехслойной фактурацией взаимопроницающих звуковых и семантических единиц, связанных в одно целое (слой языково-звуковой, семантический, "схематизированных аспектов" и предметный²¹), стали интегральным компонентом интерпретационной системы Ф. Вольмана. Для него, так же как и для Р. Ингардена, художественное явление не было аморфным конгломератом отдельных частей, фрагментов, строительных элементов и семантически-содержательных слоев, а сложно структурированным организмом с иерархически организованной, внутренне связанной системой функций и полифонией идейно-эстетических ценностей.

"Целевая связь" упорядоченных сегментов и компонентов произведения в понимании В. Дильтея²³ представляла и для Ф. Вольмана потенциальную силу и динамическое понятие, разящее внутренне организованную художественную целость - произведение, т. е. форму, возникающую в "точке пересечения нескольких слоев структурных."²⁴

Ф. Вольман, следовательно, не застыл на достигнутых методологических позициях историко-сравнительной школы (он отталкивался в особенности от атомизма пресловутой тематологии, бесплодно преследуемой данные элементы, мотивы, сюжеты, "по всему земному шару")²⁵, а илфивал свое мышление в критическом сопоставлении с теоремами и литературоведческими подходами русской формальной школы, с эстетическим и семиотическим структурализмом Пражского лингвистического кружка и систематикой феноменологической онтологии Р. Ингардена. Он последовательно наблюдал сдвиг литературоведения от тематологических исследований сравнительно-исторической школы к изучению "литературности", морфологии, постулированной представителями формальной школы; тем не менее он сумел избежать методологических ограничений их исходной концепции. "Сравнительно долго длилось, - пишет в статье "Наука о словесности", - прежде чем сравнительная наука выбралась из заманчивых теорий априорно эстетических, этнологически-антропологических и, наконец, биологически-эволюционных и стала придерживаться своего главного критерия: формы."²⁶ Ф. Вольман отстаивал - также как и представители русской формальной школы и Пражского лингвистического кружка - аспект морфологический, анализ "литературности"; но он не оставлял притом эволюционный подход сравнительно-исторической школы, ибо постулировал изучение "длительности и преобразования форм", процесса дифференциации, консервации, трансформации форм и т. д., т. е. просто изучение развития формы, "генетической экзистенции" форм в историческом времени. Он выдвигал т. обр. в качестве программы исследования

сравнительное изучение развивающихся форм.²⁷ Морфологический аспект явился ему в тогдaшнее время первичным актом, ибо "средоточием, к которому устремляется все историческое изложение", оказывается - по его мнению (и добавим, что так обстоит дело до сих пор) - "само творчество": изменение структур = "само творчество".²⁸

Ф. Вольман отметил движение представителей формальной школы от "ограниченного формализма" к генетически-структурному подходу, к имманентной эволюции "словесных родов, видов и стилей", к трансформации их гербартовского базиса в гегелевский, диалектический. Уже в 1935 году, однако, он подчеркнул, что "морфологическая систематика", свойственная формальной школе, требует "полного применения сравнительного метода" и "генетики" ("Наука о словесности"²⁹). Таким образом, были перекинуты методологические барьеры тогдашних интерпретационных систем и эргоцентрических методов; эволюционный, генетический аспект Ф. Вольман связал с морфологической систематикой, опирающейся на каузальность исторической реальности, и интерференцией генетического и структурного подхода наметил и в известном смысле антиципировал пути развития современного литературоведения и гораздо более поздних фазисов.³⁰

Размышления над путями и трендом литературоведческих исследований XIX и первой трети XX в. при систематическом внимании к сравнительному фактору и акцентировке морфологического аспекта привели Д. Вольмана к определению целей сравнительного структурного исследования нового фазиса, изучающего функцию компонентов, доминанты, выбор и систему художественных средств, принимающих участие в оформлении артефакта. Он усматривал их в создании "эволюционной", "сравнительной поэтики" в смысле концепции А. Веселовского, которая должна была внести "лад в хаос".³¹ Ф. Вольман, исходящий последовательно из эволюционного подхода, подчеркивал ее индуктивно-синтетический характер и субстанцию, чем и стремился преодолеть - реагируя на мыслительный подход одного из основоположников философии жизни В. Дильтея - дилемму между систематическим и историческим аспектом:³² лишь индукцией можно из ряда отдельных, единичных примеров, явлений в историческом движении вывести заключение, познание системы внутренней организации возникшего морфологического континуума, т. е. структуры артефакта (см. В. Дильтея "Жизнь и историческое сознание"³³).

Критерии для объективизации структуры в сравнительной поэтике - согласно Ф. Вольману - "извлекаются из ядра формы и ее построения, и чем богаче засвидетельствован литературный вид, тем легче классификация данной структуры в цепи имманентного развития формы в коллективном сознании, тем более наглядной оказывается кривая, сообщающая продолжительность или исчезновение автономного организма" ("Наука о словесности"³⁴).

Опорный поэтический подход ученого к проблематике эволюционной поэтики не лишен черт философски основанной диалектики, ибо процесс познания, акт создания поэтики, состоящей в "классификации и в поисках развития" специфических структур артефакта, для него немислим без внимания к каузальной цепи его конститутивных компонентов и модификационных факторов, т. е. и к "явлениям внеэстетическим, которые находятся, однако, в эволюционной связи с собственными эстетическими нормами" ("Наука о словесности").³⁵ Мыслительный ход Вольмана обнаружи-

вает интенцию к преодолению каузальности структуральностью, позитивистской статичности - диалектикой, соблюдающей взаимоотношения и связи артефакта и исторических модификаторов и детерминант реальности.

Индуктивно-синтетические открытия, полученные сравнением поэтических структур, их аналитик не может не подкрепить "открытиями социологическими и психологическими", т. е. социальными и психологическими модификаторами (социально-психологическая атмосфера формы ведет от создателя к обществу, из которого произрастает³⁶). В мировой литературе, т. е. и в системе национальных литератур, совершается непрерывный процесс конвергенции и дивергенции, трансформирующийся в подобие, точнее, в мозаику параллелограмм, вырастающих из точки пересечения литературного движения и социальных детерминант. (В полемике с Г. Лансоном, касающейся предмета истории литературы, Ф. В. акцентировал необходимость обращения внимания "на понимание формы во время социального давления и громадной роли традиции, которую следует предполагать не только у производителя, но и у потребителя" литературного произведения.³⁷ Т. обр. он вполне разделяет мысль Г. Поснетта, видоизменяющего теновские модификаторы, согласно которым "с каждым новым классом меняется также характер соответствующей литературы").³⁸

Следовательно, Ф. Вольман никогда не стремился к партикулярному изучению художественного явления и процесса. Создание диалектической, эволюционной мировой поэтики он считал генеральной задачей, точнее, целью сравнительного литературоведческого структурализма: "Это, конечно, цель, которая осуществится только в будущем после неисчислимых работ частичных: огромная мозаика, где неисчерпаемое богатство форм сорганизуется морфологическими шкворнями то линейно эволюцией видов, то концентрически вокруг гениального произведения, где в ясных очертаниях вырисовывается генезис форм, их продолжительность, изменения, прекращение, где видно будет, как одна общественная среда сохраняет, а иная нарушает развитие".³⁹ Данная формуляция содержит целую научную программу, эволюционный тренд генологического исследования, которое реализирует по существу только современное научное поколение. Создание бесчисленных частичных монографических трудов и статей, т. е. частичных анализов, аналитических зондов внутренних связей формовых структур отдельных словесных рядов, литературных видов и жанров, не исключало в вольмановском понимании создания общих, итоговых диахронно-синхронных аспектов, интегрирующих конкретных синтезов, воздвигнутых над литературным процессом и извлекающих из осколков единичных явлений, сведений, идей, фрагментов форм объединяющие сочетания, общее художественное континуум. Познание "генетической экзистенции" художественных организмов путем микрологических, частичных аналитических монографий и синтезов, воздвигнутых над литературным процессом и способствующих созданию эволюционной общей, мировой поэтики, Ф. Вольман считал закономерным, органическим звеном "поступательной научной цели".⁴⁰

Таким образом, уже в межвоенных десятилетиях XX в. органически складывалась и досоздавалась вольмановская бременская наука о словесности в обдуманную, цельную методологическую систему, устремленную к созданию индуктивно-синтетической поэтики путем мультилатерального аналитического сравнения

структур художественных организмов, т. е. путем эйдографии (сравнительная морфология, структуральное исследование формы в одной общности - горизонтальным срезом) и эйдологии (исследование видов в нескольких общностях - вертикальным срезом), осциллирующей между поэтикой и историей литературы.

Судьбы сравнительного литературоведческого изучения не просты. В период после второй мировой войны насаждались и применялись в измененных социально-политических условиях как в СССР, так и в его сателлитных сообществах догматические идеологически-политические тенденции, которые исходили из метафизического понимания эволюции научного мышления и артефакта и вели к изоляционизму науки, искусства и жизни от мирового эволюционного процесса. В особенности борьба против "космополитизма" в конце 40-х гг. помешала не только развитию научных областей кибернетики и генетики, но постигла роковым образом и сравнительно-историческое литературоведение.⁴¹ Тренд политизирующей псевдонауки вел к элиминации из арматуры литературоведения открытий предшествующих литературоведческих систем, в частности, ядра завета сравнительно-исторической школы А.Н. Веселовского - "компаративистики". Она была заклеена как наука буржуазная, чужеродная и в тогдашней политической системе недопустимая. "Это была одна из важнейших деформаций в области социалистической науки, - писал К. Крейчи в 1970 г., - которая под воздействием литературной публицистики направляла общественное мнение и заговорляла и поборников прогрессивной, правильно понимаемой компаративистики в безнадежную с виду дефезиву".⁴² Ф. Вольман мужественно замишал и в тогдашние нелегкие времена в многочисленных дискуссиях принципы сравнительного исследования, прежде чем дождался его реабилитации, возрождения и признания в СССР и у нас. Широкий круг вопросов компаративистики он разрабатывал с присущей ему энергией в многочисленных статьях ("Сравнительный метод в литературоведении", 1959; "Главные задачи сравнительно-исторического исследования славянских литератур", 1958 и др.),⁴³ в выступлениях в особенности на славистических конгрессах в Москве, Софии и в Праге и в итоговых докладах, реферативных статьях о работе съездов, публиковавшихся периодически в журнале "Славия". Но дело не в том, что он не отступил от методологической концепции сравнительного исследования, которое отстаивал всю жизнь, а в том, что он систематически в полемике, спорах, статьях и книгах мифовал и уточнял его более широкие научные связи с родственными научными дисциплинами и направлениями (психологией, этнологией, эстетикой и др.). Все три области его литературной деятельности - идеографическая (история идей, идейных течений, намедних выражение в книгах "Идея славянства в языково-литературном возрождении славян", 1959; "Славянизмы и антиславянизмы времен Весны народов", 1968), эйдологическая, включающая эволюционную поэтику, и методологическая, постулирующая генетически-структурный подход - образуют цельную систему познания и изложения процесса образования литературного явления и исторической цепи форм. Ее ядро - морфологическую систематику, постигающую генетическую экзистенцию форм и emergenza словесных структур, обусловленных движением и давлением реальности - он вплотную подвел к эволюционно и феноменологически заложенной генологии и филологической герменевтике, которая стала задачей - добавим, что во многом до сих пор не ре-

ненной, - последующих исследовательских поколений.

А. Грунд в своей юбилейной статье написал, что Ф. Вольман - "неукротимый темперамент с большим дарованием, трудовым упорством и любовью к делу".⁴⁴ Это была блестящая, лапидарная и меткая характеристика. Может быть, следует еще добавить, что Ф. Вольман всегда оставался бунтарем, человеком с мятежной душой, критической и покорной по отношению к науке и искусству, творческой и свободолобивой, охваченной независимостью мысли, научной честностью и не ослабевающей любовью к правде и жизни. В размышлениях Ф. Вольмана о литературе всегда присутствовала антропологическая константа, сознание высокого этического смысла искусства и литературы, олицетворяющей для него "litteraria humanitas".

Примечания

- 1 Grund, A.: Osobnost Franka Wollmana. In: Pocta Fr. Trávnickovi a F. Wollmanovi. Slovanský seminář Masarykovy univerzity. Komenium, Brno 1948, 41.
- 2 "Целью способных становится вместо счастья поневоле познание" (цит. по чешскому изд. Burckhardt, J.: Úvahy o světových dějinách. Praha 1971, 206).
- 3 Grund, A.: dtto, 42-43.
- 4 Оригинальное драматическое творчество Ф. Вольмана исследовал сравнительно обстоятельно А. Грунд в своей юбилейной статье (49-53).
- 5 См. статью Badalič, J.: Frank Wollman i književnosti jugoslavenskih naroda. In: Slavia 1, 1970, 149-152.
- 6 Grund, A.: dtto, 45-46.
- 7 Там же: 46.
- 8 См. Krejčí, K.: Frank Wollman (nekrolog). In: Slavia 1, 1970, 147.
- 9 Wollman, F.: K metodologii srovnávací slovesnosti slovan-ské. Brno 1936, 84.
- 10 Wollman, F.: Duch a celistvost slovan-ské slovesnosti. In: Sb. Obrisy Slovanstva. Praha 1948, 58.
- 11 Grund, A.: dtto, 47.
- 12 См., напр., Söter, J.: O srovnávací metodě. In: Teorie v zrcadle maďarské literární vědy. Odeon, Praha 1986, 341-254.
- 13 См. Wollman, S.: Tradice a přínos české literární komparatistiky. In: Dejiny literárnej komparatistiky socialistických krajín. SAV, Bratislava 1986.
- 14 Wollman, F.: K metodologii srovnávací slovesnosti slovan-ské, dtto, 115.
- 15 Там же: 92, 89, 91.
- 16 Wollman, F.: Duch a celistvost slovan-ské slovesnosti, dtto, 35.
- 17 Tieghem, P. van: La littérature comparée. Paris 1931, Wollman, S.: Generální literatura a literatura srovnaná (La littérature générale - la littérature compare). In: Příspěvky k morfologii a sémantice literárněvědných terminů. ČSAV, Praha 1974, 43-86.

- 18 Čs. přednášky pro VI. MSS. ČSAV, Praha 1968, 181-186.
- 19 Wollman, F.: K metodologii srovnávací slovesnosti slovan-
ské, dtto, 98, 95, 125-126.
- 20 Там же: 95.
- 21 См. Ingarden, R.: Das literarische Kunstwerk. Halle 1931.
- 22 Цит. по чешскому изданию: Ingarden, R.: O poznávání lite-
rárního díla. Čs. spisovatel, Praha 1967, 17-73, 269.
- 23 Цит. по чешскому изданию: Dilthey, W.: Uvedení ve vědy
duchovní. Praha 1901, 48, 52, 74n.
- 24 Wollman, F.: K metodologii srovnávací slovesnosti slovan-
ské, dtto, 109.
- 25 Там же: 101.
- 26 Wollman, F.: Věda o slovesnosti. In: Slovo a slovesnost.
Praha 1935, 4.
- 27 Там же: 6.
- 28 Wollman, F.: K metodologii srovnávací slovesnosti slovan-
ské, dtto, 87.
- 29 Wollman, F.: Věda o slovesnosti, dtto, 7.
- 30 Польский ученый М. Янион в статье Marksizm wobec genetyzmu
i strukturalizmu w badaniach literackich (1960) постулиро-
вала соединение "генетического" и "структурного" аспекта
при толковании художественного явления и литературного
процесса (см. сб. ст. Problemy teorii literatury. Seria I.
Ossolineum, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Kódz
1987). В свете концепции, прокладываемой Ф. Вольманом уже
в 30-х гг., ее размышление было, однако, несколько запоз-
давшей исследовательской пропозицией и литературоведчес-
кой тенденцией.
- 31 Wollman, F.: K metodologii srovnávací slovesnosti slovan-
ské, dtto, 101.
- 32 См. Striitecký, J.: Proměna, tvar, struktura. Diltheyova
estetika dnes. In: SPFF BU H (Brno), 19-20, 1984, 15.
- 33 Цит. по словацкому изданию Dilthey, W.: Život a dejinné
vedomie. Bratislava 1980, 326.
- 34 Wollman, F.: Věda o slovesnosti, dtto, 9-10.
- 35 Там же: 9.
- 36 Wollman, F.: K metodologii srovnávací slovesnosti slovan-
ské, dtto, 91.
- 37 Wollman, F.: Věda o slovesnosti, dtto, 10.
- 38 Там же: 5.
- 39 Там же: 8.
- 40 Wollman, F.: K metodologii srovnávací slovesnosti slovan-
ské, dtto, 97.
- 41 См. Wolman, S.: Tradice a přínos české literární kompara-
tistiky. In: Dejiny literárnej komparatistiky socialistic-
kých krajín (sb. st.). Bratislava 1986, 198 (см. и книгу
того же автора Porovnávacía metóda v literárnej vede. Та-
tran, Bratislava 1988).
- 42 Krejčí, K.: Frank Wollman (nekrolog), dtto, 148.
- 43 In: Slovanské štúdie II. Bratislava 1959, 9-27; Slavia
27, 1958, seš. 2, 213-215.
- 44 Pocta F. Trávníčkovi a F. Wollmanovi, dtto 53.